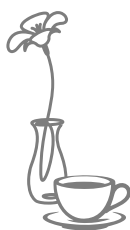

> МАТИС ТРАЛЪ >

САБРИНА ФИЛИПП

Кафе на острове
Сен-Луи

ЭКСМО

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф53

Sabrina Philippe
Tu verras, les âmes se retrouvent toujours quelque part

© 2017 Éditions Eyrolles, Paris, France

Филипп, Сабрина.

Ф53 Кафе на острове Сен-Луи / Сабрина Филипп ;
[перевод с французского Ю. Воробьевой]. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-250821-9

После болезненного развода героиня книги переехала в квартиру близ острова Сен-Луи в надежде начать новую жизнь. Однажды утром ноги сами привели ее в кафе неподалеку, где она встретила загадочную пожилую даму. История, которую ей рассказала эта дама, перевернет ее представления о любви и отношениях.

В молодости у нее было много мужчин, но она не знала настоящей любви, пока однажды в этом самом кафе не встретила его. С первого взгляда она почувствовала, что он — ее судьба. Их связь невозможна, но в то же время неразрывна. Им придется ждать целую жизнь, чтобы снова встретиться в кафе на острове Сен-Луи...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Воробьева Ю., перевод на русский язык,
2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-250821-9

*Кристиану, Феликсу
для Самюэля*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Есть люди, которые за долю секунды, за пару часов, за одну улыбку проникают в нас глубже, чем другие за всю нашу жизнь.

Есть те, кого узнаешь с первого взгляда, и те, кого учишься узнавать.

Есть те, кого мы любим инстинктивно, принимаем их естество целиком, все темное и светлое, запахи и текстуру кожи, слова и молчание, а к другим приходится приспосабливаться.

Есть те, кому достаточно задать всего один вопрос, другим же нужно задать сотни.

Есть те, кого оцениваем, и те, кого просто видим.

Есть те, кто не выходит из головы, и те, кто всеми силами цепляется за нас.

Но почему?

За свою жизнь я встретила множество мужчин и женщин. Они делились со мной чувствами, сомнениями и переживаниями, задавали извечные вопросы: зачем любить, как любить или как перестать любить?

Однако некоторые пережили настолько необычную и сильную историю любви, что природа испытанных ими чувств непонятна даже им самим. Когда подобные истории заканчиваются, воспоминания о былых чувствах никуда не уходят, они длятся вечно и посто-

янно напоминают о себе. Прошедшим через этот опыт порой кажется, что они сошли с ума.

Поскольку жизнь без такой сильной любви для них теряет смысл, они замыкаются в своей боли, ожидании и часто в отрицании. Та встреча видится им проклятием, а расставание — наказанием.

Я написала эту книгу, чтобы сказать: они не сошли с ума. Ваши переживания абсолютно нормальны, вас окружают те, кто проживает аналогичные чувства, я сама — одна из них.

Не все можно объяснить с помощью психологии, есть и другие способы трактовки этой невероятной любви, другие ответы на ваши вопросы...

Такая любовь — это дар.

Боль — это лишь отправная точка в долгом путешествии, в которое я приглашаю вас на страницах этой книги...

1 До

*Будет много рассветов и солнечных дней,
Будут грозы и пляски огней.*

Впервые перейдя через мост и оказавшись в той части города, окруженной водой, я поняла, что не ошиблась. Жить нужно именно здесь, в «междуречье». И переехала на бульвар Морлан, 14, в квартиру, которую решила превратить в пространство, свободное от напоминаний о прошлой жизни. Было распродано все: посуда, картины, мебель ушли по дешевке, покрывала выброшены. Много месяцев после ухода мужа я прожила в привычных интерьерах своего брака и теперь решила, что пора выйти из роли хранительницы канувшей в Лету истории. Как же много слез было пролито!

Их потоки каждую ночь оплакивали одиночество, бесцеремонно ворвавшееся в мою жизнь. Пустая кровать, неразобранная постель, мое свернутое калачиком тело. Я ждала, когда придет сон, и он приходил как дар, как отдых. В глубине души казалось, что слезы заставят его вернуться. Боль часто становится последней связующей ниточкой с тем, кого больше нет рядом. Поэтому мы цепляемся за нее, какие бы муки это ни приносило, всеми силами держимся за страдание, до полного изнеможения. Я была измотана. Измотана бесконечной битвой за сохранение крупниц того, что когда-то было свято для нас обоих.

Я боролась за то, чтобы он не ушел к ней, она — за то, чтобы он ушел от меня. Она победила. Тогда я вступила в борьбу за то, чтобы он вернулся, она — за то, чтобы не пожалел о сделанном выборе. Она снова победила. В итоге я начала бороться за то, чтобы ничего не забыть, и в этой борьбе с самой собой наконец одержала триумфальную победу. Однако нести бремя столь увесистого трофея с каждым днем становилось все более утомительно. К тому же при каждой встрече с бывшим мужем на его лице явственно читался восторг от новой жизни, хотя он и силился прикрыть его напускной грустью. И одним прекрасным утром, незаметно для меня самой, эта чаша памяти выскользнула из рук и разбилась.

Однажды на рассвете я открыла ящик искусственно состаренного синего комода, ящик, который легко открывался, но плохо закрывался, ящик, в котором мои вещи лежали вперемешку с оставленными им вещами. Сидя на полу, я смотрела на этот причудливый, тоже искусственный, купаж прошлого, которое перестала узнавать. Даже если бы захотелось вспомнить что-то связанное с этими тряпками и ремнями, у меня бы не вышло. А ведь последние несколько месяцев я с таким упоением пряталась в скорлупе собственного горя. Но в то утро мне показалось, что вместе с воспоминаниями я распрощалась и с этим неуютным коконом из слез и носовых платков, из круговорота причиняющих боль картинок.

А ведь в этом ящике пряталась вереница мелких воспоминаний. Трикотажный бирюзовый топик, в котором я была в тот день, когда он впервые увидел меня. А я его нет. Я прекрасно помнила тот день, дождь, его машину и меня, сидящую на заднем сиденье. Он обернулся и увидел мои светлые глаза. Влюбился с первого взгляда, о чем рассказал гораздо позже. И именно поэтому я сохранила тот бирюзовый топик.

Дело в том, что я совершенно не запомнила его лица в тот день. И сейчас держала в руках лишь его воспоминание: общими были только эмоции от его рассказа о той встрече. Я встала, взяла большую сумку и выгребла в нее все вещи из синего комода, свои тоже, поскольку выбирала их для него. Спустя время около входной двери выросла гора таких сумок. Я переходила от одной полки к другой. Брала в руки предметы, откладывала, возвращалась к ним. И в конце концов выбрасывала. Старалась хоть что-то почувствовать, но не получалось. В ту ночь я не спала и не плакала. Я опустошила себя. Опустошила запасы своей боли и память.

Убедившись, что ничего не осталось, приняла душ, накрасилась, надела единственные оставшиеся джинсы и свитер и позвонила Симону.

Симон — приятный молодой человек, с которым я, сама не знаю как, познакомилась недавним бесцветным вечером. Он звонил много раз, но всякий раз натывался на такой же бесцветный разговор. А сейчас возникла потребность в живой энергии, внутри и вокруг. В этой новой для меня пустоте понадобился кто-то теплый, кто вдохнет в меня жизнь. Поэтому и позвонила ему сама.

Он примчался без промедления на своем скутере. Я ждала его внизу у подъезда. Приехал с улыбкой, полон надежд. Я села сзади, он нажал на педаль газа, и ветер прогнал все мысли прочь. Мне понравилась эта скорость, этот ветер. Симон повел меня в кино — название фильма не помню, это была комедия. Я наблюдала за окружающими меня парочками: они болтали, улыбались или молча наслаждались присутствием друг друга.

В тот момент захотелось влиться в эту воскресную атмосферу. Я взяла Симона за руку. Он улыбнулся.

У него было красивое, немного кукольное лицо — первый признак простодушия, в чем можно убедиться только с возрастом. От него приятно пахло мужским парфюмом, складки свежей рубашки напоминали складки простыни. Я подумала о его постели, о своем теле в его постели. Поняла, что хочу, чтобы мое инертное тело немного расшевелилось. Он поцеловал меня в шею, я ответила поцелуем в губы.

Мы молча вышли из зала и поехали в его маленькую студенческую квартирку, хотя студентом он давно не был. Между нами не было неловкости. Движимые молчаливым согласием, мы стали любовниками.

Позже я внутренне поздравила себя с этим событием, благодаря которому снова стала желанной женщиной. Он спросил, не хочу ли я остаться, я вспомнила о сумках в прихожей и согласилась. Мы заснули, а когда проснулись, больше не было слез, только кофе в постель. Я поделилась, что хочу продать все имущество. «Даже машину?» — спросил он. Да, даже машину.

Он сказал, что может посоветовать знающих в этом толк людей и готов помочь переехать из пригорода — пригорода сонных, как мухи, семейных пар.

Я уточнила: «Хочу, чтобы вокруг меня кипела жизнь, постоянно сновали машины, куда-то спешили и о чем-то разговаривали люди, мне даже больше не нужны воскресенья». Он развернул карту столицы и сказал: «В таком случае жить нужно только здесь». Выкурив свою первую сигарету, я подумала: он совершенно прав. Но потом пришлось поторапливаться, ведь в тот день мне снова нужно было говорить о любви.

Любовь была моей профессией — говорить о ней и слушать о ней. Любовь во всех проявлениях: от любви с первого взгляда до разрыва, от супружеской неверности до одиночества. Мне были знакомы все ее мотивы, каждая фальшивая нота. Станным об-

разом, пока мой собственный брак трещал по швам, ко мне приходили за советом мечтавшие успокоить сердце люди. Надо полагать, я справлялась с задачей хорошо и убедительно, ведь именно работа сделала меня популярной. Несколько раз в неделю мое лицо появлялось на экранах телевизоров, я написала книгу об отношениях, получала бесчисленное количество писем от пар, находящихся на грани разрыва. В этом и состоял парадокс моей одинокой жизни: вечерами я плакала, а днем помогала улыбаться незнакомым людям. Однако моя боль часто помогала лучше понять страдания других, настроиться на их волну, найти самые подходящие для них слова.

Даже сейчас я не понимаю, как у меня хватило сил поверить в возможность счастья других и улыбаться перед камерой. В тот период я часто воспринимала счастливые истории любви как удар ножом в самое сердце, а менее счастливые — как суровое подтверждение собственных неудач на этом поприще.

Тем не менее я всегда сохраняла профессионализм. Все начиналось с макияжа — я редко смотрела на себя в зеркало, ибо мне было все равно, как я выгляжу, это ровным счетом ничего не меняло. Затем выходила из гримерки на съемочную площадку. Все ждали ведущего. Иногда долго, очень долго. Когда он приходил, шоу начиналось. Меня он приветствовал кивком головы. Мы не были знакомы ни лично, ни профессионально. Продюсеры просто решили, что я хорошо смотрюсь в кадре, ведущий согласился. Этого достаточно. На съемочной площадке он часто вел себя со мной с поверхностным дружеским покровительством. Какой бы ни была тема, я всегда находила слова. И это сильно удивляло даже меня саму. На каждый вопрос у меня был готов ответ. Я почти не готовилась заранее. Просто настраивалась на каждого гостя и давала советы.